

3 ИЮН 1964

ТЕАТР БОЛЬШИХ ТРАДИЦИЙ

Вчера начались новые гастроли Комеди Франсез в нашей стране. Они открылись на ленинградской сцене. Были сыграны «Андромаха» Расина и «Слово о Мольере». Этот спектакль опять продемонстрировал великолепное мастерство прославленного французского театра, в чем-то позволив угадать и его современные художественные искания.

Утверждение благородных чувств и прежде всего самоотверженной верности в трагедии Расина напомнило о высоких традициях французского искусства, хотя нельзя не сказать, что неистовые страсти Гермюны в спектакле пересилили благородную одержимость Андромахи и из-за этого тема трагедии несколько сместилась. Как сценическое произведение «Андромаха» в постановке режиссера Пьера Дюкса и декорациях Жоржа Вакевича оказалась зрелищем,

безупречным по вкусу, лаконичным и строгим в выборе выразительных средств. Мгновениями актеры на фоне свободного и глубокого сценического пространства казались чудесно ожившими изваяниями. Складки их одежды, позы и движения — будь то жест воина, отводящего пику, или скорбный взлет рук Андромахи, в мольбе простертых к Пирру, — все великолепно по пластическому рисунку. Гамма красок — черной, коричневой всех оттенков и белой — соответствует прекрасной античной вазописи...

Спектакль имел успех, а между тем надо признаться, что исполнение пьесы Расина ожидалось не без опаски. Думалось, что даже для артистов, воспитанных на

французской классике, сегодня нелегко передать бушующие страсти героев «Андромахи», как бы закованные размеренностью расиновских стихов. В спектакле эта трудность во многом преодолена. Ощущается большая работа режиссера и исполнителей над текстом, стремление обогатить его монотонную мелодию острой сменой ритмов и разнообразием интонаций. Открытый пафос отличает многие места роли Андромахи у артистки Луиз Копп или Гермюны у артистки Терез Мариз, но в то же время в одной из лучших сцен спектакля — диалоге Пирра и Гермюны — артист Жорж Декриер находит неожиданную для традиционных представлений о Расине манеру речи. Слова суровой, жестокой по отношению к Гермюне правды он говорит мягко, словно стремясь осторожно пробудить лучшие стороны души ревнивой и самолюбивой женщины. Динамика чеканной речи характерна для спектакля, но монолог Ореста в финале артист Андре Фалькон произносит в таком медленном темпе, оправданном сложностью переживаний сына Агамемнона, что это вносит в речевую мелодию «Андромахи» как бы свою особую вариацию.

Отказ Расина от монолитности героев, его стремление наделять их сложностью чувств переданы актерами с той требовательной ме-

рой психологической правды, в которой легко ощутить природу именно современного реалистического театра. Артистизм труппы обладает ояты-таки современной многогранностью. В арсенале их выразительных средств большое место занимают красноречивое молчание, тонкость подтекстов, которыми умеют пользоваться не только исполнители главных ролей. Так, когда Пирр — артист Жорж Декриер слушает требование уничтожить своего юного пленника, сына Андромахи, его лицо обращено в зрительный зал, и мы видим, что все тяжелее становится для Пирра бремя отвергаемого им жестокого долга. И у исполнительницы небольшой роли Клеопы — артистки Франсуаз Капель, когда она слушает мстительную режь ослепленной ревностью Гермюны, реакции так глубоки и точны, что без текста зритель угадывает осуждение Гермюны ее палернишей.

И все-таки живое разнгие традиций в спектакле в чем-то уступает место укоренившейся традиционности. Представления Расина о красоте, заставлявшие его надевать своих героев пышностью языка, живут в поэтике артистов, играющих «Андромаху». Они сказываются в том, что даже в минуты самого жестокого страха и горя Андромахи или неистового нестугления Гермюны складки их платьев падают все так же ровно, а действие трагедии, как бы оно

ни было причудливо по перипетиям сюжета, плывет, неизбежное в своей величавости. Эта размеренность, примеры которой легко умножить, приводит к тому, что спектакль более завораживает, чем волнует.

А о том, что возглавляемая Морисом Эскандом труппа Комеди Франсез способна к смелым творческим решениям, свидетельствует композиция «Слово о Мольере», автором и постановщиком которой является Поль-Эмиль Дойбер. Жизнь великого французского рассказчика со сцены как история его творчества. Мольеровские типы, весело сменяя друг друга, появляются на подмостках при свете старинных бра. Вечно юным оказывается на сцене знаменитый комедиограф не только в своих и ныне живущих на сценах мира созданиях, но и как реальное действующее лицо композиции. Милый, непринужденный, способный к мгновенным перевоплощениям, возникает в спектакле Мольер — артист Жан Пиа, захвативший своим острым юмором и удивительным объяснением.

В своем первом спектакле театр показал трагедию и хоровод комических образов, как бы заставив зрителей сразу ощутить широту лихания французской классики. Впереди — знаменитая сатира Бомарше, которая должна обнаруживать другие черты Комеди Франсез.

Ю. ГОЛОВАШЕНКО